

Ростовцева Юлия Александровна

БОРЬБА СО ВЗЯТКАМИ В ЕКАТЕРИНИНСКОЙ РОССИИ И ПАНЕГИРИЧЕСКАЯ УТОПИЯ Ф. А. ЭМИНА

Статья посвящена роману Ф. А. Эмина "Приключения Фемистокла" (1763) - первой утопии, написанной в правление Екатерины Второй. В центре исследования - полемика с известным американским ученым С. Л. Бэрром, полагавшим, что в своем произведении Эмин обличил государыню в антикоррупционном бездействии. Основываясь на композиционной своеобразии (авторское Посвящение Ея императорскому Величеству), историко-правовом контексте 60-х годов XVIII века, мы доказываем, что "Приключения" представляют собой не сатирическую, а панегирическую утопию.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/12-3/13.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 12(66): в 4-х ч. Ч. 3. С. 56-59. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/12-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

10. Пастернак Б. Л. Полное собрание сочинений: в 11-ти т. М.: СЛОВО/SLOVO, 2004. Т. IV. Доктор Живаго, 1945-1955. 760 с.
11. Подковырин Ю. В. Понятие «инкарнации» в философии XX века и феномен смысла литературного произведения // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 6 (17). С. 137-142.
12. Пушкин А. С. Евгений Онегин // Пушкин А. С. Сочинения: в 3-х т. М.: Художественная литература, 1986. Т. 2. С. 186-353.
13. Пушкин А. С. «Я вас любил: любовь ещё, быть может...» // Пушкин А. С. Сочинения: в 3-х т. М.: Художественная литература, 1986. Т. 1. С. 454.
14. Тюпа В. И. Аналитика художественного. М.: Лабиринт, 2001. 192 с.
15. Тюпа В. И. Смысл художественный // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / гл. науч. ред. Н. Д. Тмарченко. М.: Изд-во Кулагиной; Intrada, 2008. С. 238-239.
16. Тютчев Ф. И. Silentium! // Тютчев Ф. И. Полное собрание сочинений. Письма: в 6-ти т. М.: Издательский центр «Классика», 2002. Т. 1. С. 123.
17. Фуксон Л. Ю. Интерпретация произведения // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий. М.: Издательство Кулагиной; Intrada, 2008. С. 79-80.
18. Фуксон Л. Ю. Проблема интерпретации и ценностная природа литературного произведения. Кемерово: КемГУ, 1999. 128 с.
19. Фуксон Л. Ю. Чтение. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2007. 222 с.
20. Ходасевич В. Ф. Дактили // Ходасевич В. Ф. Стихотворения. Л.: Советский писатель, 1989. С. 188-189.
21. Яусс Г.-Р. К проблеме диалогического понимания // Бахтинский сборник / отв. ред. В. Л. Махлин. М.: Лабиринт, 1997. Вып. 3. С. 182-197.

ON DIALOGIC NATURE OF AN ARTISTIC MEANING

Podkovyrin Yuri Vladimirovich, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Kemerovo State University
mail1981@list.ru

The article is devoted to identifying the specifics of an artistic meaning. The key provision of the paper sounds as follows: the peculiar quality of a literary and artistic meaning is incarnation, i.e. the implementation of meaning into the personage's existence. The researcher shoes the determination of an artistic meaning incarnation by the peculiarities of artistic dialogue, in particular, by the fact that its participants (author, reader, personages) are located in the different but mutually complementary and integral semantic continuums.

Key words and phrases: dialogic nature; incarnation of meaning; Bakhtin; understanding; interpretation; hermeneutics.

УДК 10.01.01

Статья посвящена роману Ф. А. Эмина «Приключения Фемистокла» (1763) – первой утопии, написанной в правление Екатерины Второй. В центре исследования – полемика с известным американским ученым С. Л. Бэром, полагающим, что в своем произведении Эмин обличил государыню в антикоррупционном бездействии. Основываясь на композиционном своеобразии (авторское Посвящение Ея императорскому Величеству), историко-правовом контексте 60-х годов XVIII века, мы доказываем, что «Приключения» представляют собой не сатирическую, а панегирическую утопию.

Ключевые слова и фразы: литературная утопия; Ф. А. Эмин; Екатерина Великая; указ о борьбе с лихоимством; взяточничество; панегирик.

Ростовцева Юлия Александровна

Литературный институт имени А. М. Горького
rostoyuliya@yandex.ru

БОРЬБА СО ВЗЯТКАМИ В ЕКАТЕРИНИНСКОЙ РОССИИ И ПАНЕГИРИЧЕСКАЯ УТОПИЯ Ф. А. ЭМИНА

В исследовании С. Л. Бэра «Миф о Рае в России XVIII века. Утопические модели в ранней светской литературе и культуре» есть любопытное наблюдение. Рассматривая утопию Ф. А. Эмина «Приключения Фемистокла» (1763), ученый описывает те реалии екатерининской России, которые нашли отражение в произведении [11, р. 122]. Роман написан через год после вступления императрицы на престол, и сами по себе такие изыскания вполне ожидаемы и обоснованны. Вместе с тем выводы ученого отличаются непоследовательностью.

В центре сюжета главный герой – древнегреческий полководец Фемистокл, путешествующий, или, лучше сказать, «скитающийся», по разным странам. Эмин дает довольно подробное описание законов и обычаев двух из них: Кари и Фракии. В первой – судебный беспорядок, расцвет лихоимания и мздоимства, во второй – царствует справедливость, правит великая государыня, судебные дела решаются беспристрастно и спешно, в присяжные избираются «люди доброй совести» [10, с. 63].

Два этих образа, «eupomic Thrace» и «dystopian Caria», порождают теоретическую апорию Бэра. Правовой идеал – управляемую женщиной («is ruled by a woman») Фракию исследователь соотносит с Российской

империей, но в то же время отмечает, что коррупция Карики – это другая сторона российской действительности тех лет. Панегирическая или сатирическая (используя методологию того же Бэра) перед нами утопия – сказать трудно. Затруднение осложняется еще тем, что образ Карики исследователь расценивает как обращенное к императрице скрытое наставление по решению проблемы непомерного взяточничества в России [11, р. 122]. Какова связь между исторической реальностью и «художественной правдой»? Кем предстает перед нами писатель: панегиристом или сатириком, обличителем законодательной политики Екатерины Второй?

Литературный труд Эмина начинается с Посвящения, написанного «всепопданнейшим и всенижайшим рабом» ее императорского величества. Текст этот любопытен не только художественными, эстетическими особенностями, но и своей историчностью. Автор указывает на такие факты, как начавшаяся добыча полезных металлов, сооружение в городах «обиталищ» для сирот, и довольно пространно – о том правосудии, которое даровано гражданам с восшествием на престол Екатерины Второй.

«... Не можно ли мнѣ умолчать то правосудіе, которымъ мы нынѣ надѣемся отъ всякихъ быть спасены отягощеній и опасностей?» [10, л. А 4 об.].

Нельзя сказать с уверенностью, от каких «опасностей» чаёт быть избавлен автор. Между тем факты истории показывают, что именно беспорядки в судах и взяточничество на местах являлись главными бедствиями России того времени. Спустя год после восшествия на престол государыня издает Именной указ «Об удержании судей и чиновников от лихоимства» [7]. «... Мы уже отъ давнаго времени слышали довольно, а нынѣ и дѣломъ самымъ увидѣли, до какой степени въ Государствѣ Нашемъ лихоимство возрасло, – отмечает монархиня, – такъ, что едва есть ли малое самое мѣсто Правительства, въ которомъ бы Божественное сіе дѣйствіе, судъ безъ зараженія сей язвы отправлялся» [Там же]. Указ был своевременен, его ждали. По замечанию М. А. Барласова, «издания аналогичного закона добивался М. В. Ломоносов» [2, с. 13]. Еще в последние годы царствования «кроткия Елисавет» в статье о необходимости преобразования Академии ученый писал: «Въ благословенное время Государствованія Всемилоствѣйшія Самодержицы наша многочисленными ея къ намъ подданнымъ, съ радостною надеждою ожидаемъ полнаго благополучія, то есть всесовершеннаго установленія непоколебимыхъ и ясныхъ законовъ, которыми отвратятся всѣ вредительныя въ судахъ беспорядки и пагубныя ухищренія» [3, с. 436]. К сожалению, правление императрицы Елизаветы не стало временем ожесточенной борьбы со взятками. Монарший указ от 16 августа 1760 года «О употреблении Сенату всех способов к восстановлению везде надлежащего порядка и народного благосостояния», в котором императрица обращала особое внимание на «лихоимство и пристрастіе» судей, не возымел действия [6]. Последнее следует из того, что спустя 10 дней Елизавета была вынуждена напомнить о своем «матернем повелении» повторным указом от 25 августа 1760 года [2]. Однако и после подобного «напоминания» проблема мздоимства осталась нерешенной. Характерно, что в Полном собрании законов Российской империи второй указ не упомянут, а историки взяточничества в России (такие, например, как К. Д. Анциферов) вовсе умалчивают о борьбе с коррупцией в данный период [1, с. 1-54]. Вероятно, вследствие низких результатов законодательных инициатив Елизаветы Петровны в эпоху ее правления указанная язва не нашла врачевания. Поэтому от новой самодержицы ждали наведения порядка в стране, и прежде всего в судебной системе. Уже Манифестом о своем вступлении на престол Екатерина объявила, что главное ее попечение будет «изыскивать всѣ средства къ утверженію правосудія въ народѣ» [6; 7]. Надеждами на грядущий правопорядок объясняются и строчки из Посвящения к роману Эмина (1763).

Несомненно, писателю был знаком указ 1762 года «об удержании от лихоимства». Известно, что для российской действительности документ имел огромное значение. Указ не только знаменовал новый период законодательства о взяточничестве. В нем, по наблюдению К. Д. Анциферова, «убѣдительно выяснены обстоятельства, опредѣлившія направление и сообщившія глубокой, внутренней смыслъ не только законодательству Императрицы, но и законодательству всего XVIII века» [1, с. 43]. Не случайно изображенные Эминым **Кария и Фракция явились своего рода отражением Российской действительности – до и после издания закона**. Так, карийские суды описаны автором в тех же выражениях, что и российские судебные места в указе. «Многіе Судящіе, освященное свое мѣсто... въ торжище превращають», – отмечает государыня [7]. «... Здѣшнее правосудіе подобно аукціону», – решает после посещения карийского суда Фемистокл. Императрица описывает мздоимство, достигшее невероятного масштаба, в следующих словах: «Ищеть ли кто мѣста, платитъ; защищается ли кто отъ клеветы, обороняется деньгами; клевететь ли на кого кто, всѣ происки свои хитрые подкрѣпляетъ дарами» [Там же]. Похожую оценку дает сенату Карики главный герой романа Эмина [10, с. 35]. Еще большее сходство с текстом романа можно обнаружить в законе от 15 декабря 1763 года.

Ф. А. Эмин «Приключения Фемистокла»	Манифест «О наполнении Судебных мест достойными и честными людьми»
«словомъ всѣ старались о мздопріимствѣ, а ничего добраго никому не дѣлали» [Там же].	«всякой живетъ только для себя, не помышляя о добрѣ общемъ» [9].

Однако видеть в образе Карики критику и скрытое обращение к Екатерине, чтобы та уничтожила страшное лихоимство и бюрократию в государстве, как полагает Бэр, не совсем верно [11, р. 122]. Во-первых, нельзя сказать, что Кария – это обратная сторона российской действительности: «another side of Russia» [Ibidem]. Дело в том, что в предшествующие годы коррупция была **повсеместным явлением**. Известный

историк Ю. В. Готье описывает указанный период так: «За немногими отдѣльными исключеніями, ихъ (*пре-ступления власти с целью наживы – Ю. Р.*) совершали всѣ, начиная отъ высшаго чина областной канцеляріи, губернскаго секретаря, до послѣдняго копѣиста воеводской канцеляріи глухого пригородка» [4, с. 308]. Во-вторых, к 1763 году, когда была написана утопия Эмина, Екатериной уже был принят ряд мер по уничтожению взяточничества. Наконец, роман предназначался в дар императрице. На титульном листе его было написано: «Ея императорскому величеству всепресвѣтлѣйшей державнѣйшей великой государынѣ, Екатерине Алексѣевнѣ, императрицѣ и самодержицѣ всероссійской, и прочая, и прочая, и прочая государынѣ всемилостивѣйшей» [10, Титул]. В предваряющем роман Посвящении, восхваляя возвращенный Екатериной «золотой век», автор упоминает о правосудии, которым народ российский надеется «нынѣ» быть освобожден от опасностей. Обличать самодержицу в некотором бездействии по отношению к проблемам коррупции в основном тексте произведения, думаю, у Эмина не было должных причин. И с точки зрения композиционного своеобразия (авторское Посвящение), и в отношении правовой действительности 60-х годов XVIII века правильной было бы прославлять монархиню, а не критиковать ее.

Фракия во всем представляет абсолютную противоположность Карию. Бэр совершенно справедливо называет ее «eunotic Thgase». Автор романа намеренно вводит некий сюжетный параллелизм: как и в случае с другим государством, первое место, которое посещают герои по прибытии, – это Сенат. Благодаря этому идеал, представленный в образе фракийского судопроизводства, получает большую отчетливость.

Фракийские судьи – то, на чем Эмин заостряет внимание читателя. Нельзя сказать с точностью, в каком месяце были изданы «Приключения Фемистокла», однако поднимаемый автором вопрос – каким должен быть подлинный судья – удивительно созвучен идеям екатерининского Манифеста от 19 декабря 1763 года. В нем императрица обращает внимание на два недостатка судей: невежество и угнетающую бедность, которые толкают их на путь неправды. Как следствие, в числе непременных достоинств служащих лиц объявлены знания и честность: «Всѣ Судебные мѣста наполнить достойными въ знаніи и честными людьми», – постановляет Екатерина [9]. Эмин, как кажется, обращает внимание на другое. Главными заслугами фракийских судей названы почтенный возраст и беспристрастие. «Увидѣли они судей весьма предстарельхъ, и беспристрасно дѣла разрѣшающихъ, ибо старые люди обыкновенно болѣе помнятъ о смерти, нежели о собственной пользѣ» [Там же, с. 56]. В действительности же и внутренние качества, и наружный вид судей призваны свидетельствовать лишь об одном – их честности. Тому же служит замечание писателя о памятовании смерти. С точки зрения структуры текста данный отрывок выглядит как ответ на вопрос о достоинствах настоящего судьи, занимавший Екатерину в данный период, и вполне мог быть адресован ей в связи с заботами о выборе людей в судебные места.

Другим сходством между вымышленными представителями судебной системы и судьями, охарактеризованными в Манифесте от 19 декабря 1763 года, является их благосостояние. Справедливо заметить, что материальное положение должностных лиц было темой указа и от 13 февраля 1763 года [8]. Однако в февральском Манифесте достаток описан как одно из средств борьбы со взятками на судебных местах. «Опредѣля каждому отъ вышняго и до нижняго довольное жалованье... надѣмся, съ помощію Божіею доставить Нашимъ подданнымъ благоденствіе и спокойную жизнь, и избавить отъ притѣсненія, лихоимства и грабительствъ» [9]. Присяжные Эмина – люди богатые и к тому же приближенные ко двору [10, с. 63]. Но всеми судебными делами Фракии руководит «государыня», жена. Последнее обстоятельство также служит священным свидетельством того, что законодательный идеал Эмина связан с законами и шире – правовой политикой 1762-1763 годов. Именно параллель с указами о назначении судий иллюстрирует, что перед нами не политико-сатирический роман или сатирическая утопия, а **нечто обратное**.

В самом деле, уместно ли думать, что, посвятив роман императрице, дав понять в Посвящении, что обещанием монаршим народ надеется быть избавлен от многих зол, изобразив в аллегорической форме Екатерину – правительницу эвномической Фракии, автор тем не менее поставит цель обличить самодержицу в правовой инерции?

У Эмина было мало поводов критиковать Екатерину. Уже после издания указа 1762 года, представляющего нечто вроде воззвания к совести судей, обвинять государыню в антикоррупционном бездействии было бы не совсем уместно. К тому же монархиня не ограничивалась увещаниями. В год публикации романа она издала Манифест, провозглашающий смертную казнь всякому, кто будет уличен в лихоимстве [7]. Даже в случае, если Эмин был не знаком с содержанием документа, ему, вероятно, было известно общее направление имперской политики, одну из главных задач которой составляла борьба со взятками.

Таким образом, нет веских оснований полагать, что в «Приключении Фемистокла» автор сатирически указал на лихоимство как одну из важнейших проблем судебной системы екатерининского времени. Исторический подтекст, сюжет, особенности композиции (Посвящение государыне) свидетельствуют о том, что перед нами текст панегирической направленности. Вместе с тем образ карийского государства можно рассматривать как Российскую империю до начала антикоррупционных реформ императрицы.

Список литературы

1. **Анциферов К. Д.** Взятничество в истории русского законодательства // Журнал гражданского и уголовного права. СПб.: Издание С.-Петербургского юридического общества, 1884. Кн. 2.
2. **Барласов М. А.** К истории указа от 16 августа 1760 г. [Электронный ресурс] // Уральский археографический ежегодник за 1973 год. Свердловск, 1975. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVIII/1740-1760/Elizaveta/Ural_arch_ezeg/1/text.htm (дата обращения: 28.09.2016).

3. **Биллярский В.** Материалы для истории Ломоносова. СПб., 1865.
4. **Готье Ю. В.** История областного управления в России от Петра I до Екатерины II.: в 2-х т. М., 1913. Т. I.
5. **Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ).** СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, Собрание 1. Т. XV. Д. 11.092.
6. **ПСЗРИ.** СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. Собрание 1. Т. XVI. Д. 11.582.
7. **ПСЗРИ.** СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. Собрание 1. Т. XVI. Д. 11.616.
8. **ПСЗРИ.** СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. Собрание 1. Т. XVI. Д. 11.753.
9. **ПСЗРИ.** СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. Собрание 1. Т. XVI. Д. 11.988.
10. **Эмин Ф. А.** Приключения Фемистокла и разные политические, гражданские, философические, физические и военные его с сыном своим разговоры: постоянная жизнь и жестокость фортуны, его гонящей. М., 1781.
11. **Baer S. L.** The Paradise Myth in Eighteenth-Century Russia. Utopian Patterns in Early Secular Russian Literature and Culture. California: Stanford University Press, 1991. 308 p.

**STRUGGLE AGAINST BRIBES IN RUSSIA OF THE TIMES
OF CATHERINE THE GREAT AND F. A. EMIN'S EULOGISTIC UTOPIA**

Rostovtseva Yuliya Aleksandrovna

Maxim Gorky Literature Institute

rostoyuliya@yandex.ru

The article is devoted to the novel by F. A. Emin "Themistocles's Adventures" (1763) – the first Utopia, written in the reign of Catherine II. In the center of the study is the controversy with the famous American scientist S. L. Ber, who believed that in his work Emin unmasked the Empress' anti-corruption inaction. Basing herself on the composition originality (the author's dedication to Her Imperial Majesty), historical and legal context of the 60s of the XVIII century, the author proves that the "Adventures" is not satirical, but eulogistic utopia.

Key words and phrases: literary utopia; F. A. Emin; Catherine the Great; a decree on struggle against bribery; bribery; panegyric.

УДК 821.09

В статье рассматривается явление превентивного формирования эстетических моделей объектов, не опознанных в реальном универсуме рациональным сознанием. Вводится понятие нижнего информационного предела поэтического образа и показывается, что в среде наиболее развитых типов поэтических структур существует вероятность появления матриц виртуальных объектов, идентифицированных на более низком уровне организации.

Ключевые слова и фразы: абстрактно-понятийный; гносеологический; реальный; виртуальный; информация; ореольный; ассоциативный; поэтический.

Толгуров Тахир Зейтунович, д. филол. н.

Институт археологии Кавказа

kangaur64@yandex.ru

**ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЙ РЕСУРС И ОПЕРЕЖАЮЩАЯ
ИНФОРМАЦИЯ ПОЭТИЧЕСКОГО ОБРАЗА**

Представление о творчестве вообще, и о словесном – в частности, как об одной из форм познания действительности традиционное. Фактически, ни одна из созданных за историю человечества философско-эстетических доктрин не посягнула на это положение, воспринимаемое на сегодняшний день в качестве аксиоматического. Столь же традиционно, однако, и деление общего пространства бытования человеческого разума на естественно-научную и гуманитарную сферы.

Развитие абстрактно-понятийных форм мышления, инициируемое жизненной практикой, обусловлено цивилизационными институтами человеческого общества в широком понимании. Детерминированность их эволюции вопросов не вызывает – по крайней мере следы хотя бы косвенной связи реальной практики и знания, определяемого ныне как «научное», могут быть выявлены даже в ортодоксально-идеалистических концепциях.

Несколько обособленна в этом отношении позиция Э. Маха, пожалуй, впервые четко сформулировавшего положение о полном равноправии-идентичности иллюзорного и реального в смысле их научной функциональности и гносеологической значимости для человека [19, с. 149].

Эта концепция заслуживает особого внимания, ввиду того, что современные философские воззрения лидеров Брюссельской, например, школы, напрямую восходят к взглядам Больцмана и Маха [24, с. 215-216]. Хотя подобный подход был четко сформулирован задолго до Пригожина [29, с. 98], тем не менее, до Э. Маха и его последователей человечество не сталкивалось с открытым признанием гносеологического, вернее, функционального тождества объекта и его интеллектуальной модели.